

«Харчок»

воспоминания Старикова Павла Васильевича

До революции учился в гимназии, но окончить её не удалось. Революция, потом Гражданская война. Жизнь складывалась по-разному, в общем, к 1939 году я был женат, жена красавица, имел квартиру в г. Ленинграде и работал заведующим Горьковским торгом.

В 39 году началась война с белофиннами. В стране – «Ура-патриотизм», шумиха, идеологическая пропаганда. «Кровожадные белофинны хотят проглотить нашу Советскую Родину» и далее в таком духе. Много людей добровольцами рвались на фронт, грудью защищать страну. И я клюнул по дурости на эту удочку, не сиделось мне на тёплом месте в торге. В общем, написал рапорт с просьбой зачислить меня в ряды доблестной РККА и направить добровольцем на фронт борьбы с белофинскими бандитами. Просьба моя, к сожалению, была удовлетворена, работа на время войны за мной сохранялась, я был призван в армию, получил звание Интендант 2-го ранга и был направлен на должность заместителя командира дивизии по интендантской части на Урал, где дивизия и формировалась. В общем, надел гимнастёрку, шинель, суконную будёновку и уехал Литером на Урал к месту формирования.

Дивизию сформировали, посадили в эшелоны и привезли на Карельский перешеек, скоро она вступила в бой. Финны её успешно и быстро расколошматили, причём больше полка утопили в озере сразу. Мы наступали по льду озера, место ровнее, с трудом выбравшись из сугробов, сосняков. Развернулись на озере и в атаку, а финны, у них там против нас едва ли две артиллерийские батареи были, не будь дураки, да и врезали по одной кромке у берега, да по противоположной кромке льда у другого берега. Масса наших бойцов и командиров ушла под лёд на дно озера. Масса обмороженных, убитых, много раненых позамёрзло, в общем, остались от дивизии «рожки да ножки», да ещё высший командный состав. Вот, все эти жалкие остатки опять отравили на Урал на переформирование и пополнение, а я к этому времени уже навоевался, мозги прочистились, и больше желания носить будёновку у меня не появлялось, стал мечтать о возвращении в Торг. Да дело в том, что шинель легко надеть, да вот снять трудно.

Ну, в общем, командование укатило на Урал, а я с трудом выпросил пять суток заехать в Ленинград, попроведовать жену, раз уж рядом-то мы воевали с Ленинградом. Получил пайковые, командировочные, ещё кое-какие деньги и приехал в Ленинград. А там, посмотрел на мирную жизнь «прифронтового» города, и окончательно отпало желание дальше служить, так поумнел, что будёновка тесна для головы стала.

В Ленинграде начальником Военно-Политического училища был мой брат, а у него были хорошие отношения со Ждановым. Я встретился с

братом, рассказал ему, что не хочу больше и воевать, и шинель носить, и как бы мне уйти из армии. Тот пообещал помочь, тут же позвонил Жданову, переговорил с ним, сказал какой я ценный товарищ для Торга, и если не я, то весь Торг завалится. Тот пообещал помочь уволить меня из армии, и сказал перезвонить через полчаса ему, что мы и сделали. Жданов сказал брату, что связался с Москвой, с Наркоматом Обороны, что вопрос мой решён и приказ о моём увольнении на днях будет, а мне надо срочно выехать на Урал, в дивизию, для сдачи дел. А потом я – вольная птица. Мы с братом отметили это событие, я хотел на другой же день ехать, но он мне сказал, что поеду послезавтра, а на завтра есть мероприятие. На следующий день брат заехал за мной на служебной машине и предложил с ним поехать, куда он скажет по дороге, мол, хватит тебе в шинели ходить.

Приехали в специальный магазин Наркомата Обороны. Чего там только не было! Это что касается еды и одежды. Он сказал, смотри, что тебе нравится, выбирай, что подходящее. Мне понравился костюм, ботинки, рубашек пара, галстуки, носки, ещё что-то по мелочам. Костюм был, помню, из ткани «бостон». Он предложил жене что-нибудь подобрать. Смотрю, а там манто, как на мою куколку шито. Ну, я говорю брату, что всё это мне не по карману, всё дорогое, и таких денег у меня нет. А он достал какие-то бланки, что-то написал в них и отдал продавцу, сказав, чтобы всё, что я выбрал, запаковала. Брат сказал, что всё это оплачивает Армия, я не рубля не потратил. Меня всё это очень удивляло.

В общем, с покупками я заявился к жене, а на другой день мы уже были на вокзале, чтобы ехать на Урал. Она со мной, к несчастью, увязалась.

Я пошёл в кассу покупать билеты (а с билетами тогда было трудно), пока через коменданта по литеру и командировочному удостоверению получал билет, жена прогуливалась по перрону. Билеты взял, документы оформил и вышел на перрон к жене, она спиной ко мне стояла. Вижу, у неё на спине, на манто, жирный такой харчок! Я к ней: кто, мол, и как? Она говорит, мол, один тут мужичок тоже прогуливался, а больше никого не видела. Я к этому мужичку, мол, ты это плюнул? Он: мол, да, я. Мол, буржуи недорезанные вы, в меха вырядились, мало мы вас в 17 перестреляли. Ну, я озверел: на деньги Красной Армии куплено, а он харкает. В общем, врезал я ему один раз, он упал и головой об бетон перрона. Гляжу – труп! Убил!

Что делать? Пошёл на вокзал, вызвал милицию, позвонил брату. Он сказал, что попробует уладить. Милиция труп забрала, меня допросили, жену тоже. Ну, мы рассказали: так, мол, и так, всё, как было. Мне запретили ехать, сдал билеты, и сказали, до выяснения в течение 3-х дней из Ленинграда ни ногой. Через три дня вызвали в милицию, и началось...

В общем, дали мне за убийство 10 лет, и сменил я шинель на лагерный бушлат. Был директором зковского леспромхоза под Архангельском. Жена от меня отказалась, из квартиры в Ленинграде выписали, квартира осталась жене. По отбытии срока, в Ленинград заехал, получил «от ворот поворот» и уехал в Сибирь. В зоне понял, что от работы не то, что люди, а и конидохнут, и больше с тех пор нигде работу тяжелее уборщика поме-

щений не выполнял. Летом собирал грибы-ягоды, продавал их, веники, метлы вязал, тоже продавал, на то и живу. На кусок хлеба хватает, и нормально, а так бы давно одел деревянный бушлат.

Тут вот один старик подённым трудом на хлеб зарабатывает, подряжается жителям деревень, кому дрова распилить-расколоть, кому сено в стайки скидать, так и живёт. Ему кто продуктами даст, кто деньгами расплатится, кто ночлег и покормит, так и живёт. Я с ним подряжался одно время дрова складывать. Он пилит и колет, а я складывал. Человек опустился по жизни этой, а в 30-е годы юридический факультет МГУ закончил, следователем был направлен в Иркутскую тюрьму, там работал, пока в 50-е годы за пьянку не выгнали.

Так вот, он мне рассказывал, что в самом начале его следовательской карьеры, когда он в Иркутск приехал, его начальник СИЗО приметил, и он вроде куратором у него был, натаскивал его. Раз сидел он у начальника в кабинете, выпивали. Начальник говорит, что, мол, скучно, давай на свадьбе погуляем. Тот спросил, мол, какая свадьба? «Еврейская!», - и на кнопку нажал, вызвал дежурного, приказал ему заключённого из такой-то камеры привести. Тот привёл. Начальник стал ласково разговаривать с ним, даже участливо, папиросой угостил. Тот расслабился, а начальник револьвер выхватил, брякнул им об стол и заорал: «Танцуй, еврейская рожка!». Тот: мол, как танцевать? «Как у вас на свадьбах танцуют! И музыку изобрази!» Заключённый папиросу выронил и запрыгал, затанцевал. Начальнику надоело, он на кнопку - тык, револьвером опять об стол - бряк, и кричит дежурному: «Увести в камеру! Ишь, расплясался, еврейская рожка!». Так и повеселились.

Со слов Старикова П.В.
записал Девянин С.А.
Чаинский р-он, 1980г.